

ний. Для исторических преданий наиболее типична ситуация, когда фольклорная информация «навязывается» топониму в ходе вторичного переосмысления.

Попытка рассматривать географическое пространство как арену, где происходили исторические события, приводит к тому, что историческая тема, «иницированная» одним из географических названий, нередко получает развитие в преданиях, направляемых наименованиями смежных объектов. Чем большее количество топонимов вовлекается в этот процесс и чем более длинным оказывается соответствующий текст, тем произвольнее становится разрабатываемый сюжет и тем вероятнее дальнейшее разворачивание его в игровом ключе. Тем самым обуславливается двойственность познавательных возможностей фольклорной ремотивации.

Взаимовлияние этнокультурной информации, эксплицируемой фольклорными текстами и топонимами, оказывается асимметричным: фольклорная информация в редких случаях мотивирует топоним, в то время как обратная ситуация весьма частотна. Свойственная фольклору «нематериализуемая», нереальная событийность не соответствует когнитивным доминантам топонимической номинации (не случайно наиболее близкими топонимии оказываются фольклорные сюжеты о происхождении тех или иных элементов ландшафта).

М.Л. Гусельникова

Проблемы калькирования в топонимии

Явление калькирования в топонимии хорошо известно и не раз рассматривалось в топонимике. Например, еще в 1847 г., описывая оронию Приполярного Урала, венгерский лингвист А. Регули предполагал, что «некоторые вогульские и остяцкие названия этой территории – кальки с имен самоедских»¹. Однако теория калькирования разработана в наше время лишь для нарицательной лексики. Поэтому представляется актуальным рассмотреть применение положений о лексическом калькировании к топонимии – прежде всего в области терминологии и выявления калек.

Термины *калька* и *полукалька* широко употребляются в ономастике, как и в лексикологии в целом. «Лингвистический энциклопедический словарь» (1990 г.) дает следующее определение: «*Калька* (< франц. *calque* ‘копия’) – образование нового фразеологизма, слова или нового значения слова путем буквального перевода соответствующей иноязыч-

---

¹ Регули А. Письмо П.И. Кеппену, 21 янв. 1847 г. // Зап. Императорского Российского географического общества. СПб., 1849. Кн. 3. С. 164.

ной языковой единицы. Выделяются: *словообразовательная калька* – поморфемный перевод иноязычного слова (лат. *intra-muscul-ar-is* – внутри-мышеч-н-ый); *семантическая калька* – заимствование переносного значения слова (ограниченный < франц. *боге* о территории и о человеке); *фразеологическая калька* – пословный перевод фразеологизма (слепое повиновение < нем. *blinder Gehorsam*)»². Данное определение отражает традиционный взгляд на калькирование, предполагающий рассмотрение его как одной из форм заимствования.

В топонимии калькирование чаще всего рассматривается как этимологический «перевод» заимствуемого топонима³. При таком понимании отсутствует проблема разграничения тождесловов и калек, актуальная для нарицательной лексики: о лексической кальке можно говорить только при наличии мотивированности, ср. определение Л.П. Ефремова: «Словообразовательная калька – это слово, которое возникло как средство перевода калькируемого объекта в результате построенного на использовании его мотивированности акта словообразования»⁴. Например, слова *образ* и *форма* – это тождесловы, так как это немотивированные слова, а слово *образец* уже можно считать калькой лексемы *формула*, так как здесь есть осознанная и переданная мотивированность. Мотивация же топонима – это семантика апеллятива, а ее осознание и есть перевод. Поэтому при сопоставлении названий деревень *Холм* и *Чуга* на Русском Севере, где *чуга* значит ‘холм’ на языке субстрата, можно рассматривать топоним *Холм* как кальку, осознающую и передающую мотивированность иноязычия: называние деревни по смежности с орографическим объектом. Наричательные же *чуга* и *холм* не рассматривались бы как прототип и калька.

Образование собственного имени вообще – это всегда семантический переход, вторичность по отношению к апеллятиву, ср. определение А.В. Суперанской: «Семантика имени собственного не равна ни семантике апеллятива, ни семантике апеллятивного названия того объекта, которому оно дано»⁵. Поэтому осознание семантики апеллятива является одновременно осознанием и повторением семантического переноса, что ведет к неразличению словообразовательного и семантического калькирования в топонимии. Так же можно оценить и фразеологическое калькирование в топонимии: в нарицательной лексике фразеологическое калькирование понимается как образование словосочетания (с при-

---

² Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 211.

³ См. напр.: Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М., 1966. С. 497.

⁴ Ефремов Л.П. Основы теории лексического калькирования. Алма-Ата, 1974. С. 18.

⁵ Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М., 1973. С. 322.

знаками фразеологизма или нет); при таком подходе разграничение словообразовательного и фразеологического калькирования в топонимии было бы чисто формальным в зависимости от того, что является его результатом – словосложение или словосочетание.

Таким образом, традиционное выделение *словообразовательных и фразеологических калек* представляется для топонимии неактуальным. Допустимо выделение топонимической *семантической калки*, предполагающей заимствование топонимической семантики апеллятива. Однако проблема выделения собственно топонимической семантики пока не решена для родного языка, тем более не изучены возможности ее заимствования. Приходится поэтому ограничиться термином *калька* в общем смысле.

Продуктивной для изучения топонимического калькирования является параллель с образованием лексических калек. В частности, существенна связанность их появления с процессом заимствования. Лексическое калькирование воспринимается как процесс более глубокой адаптации иноязычной лексики по сравнению с заимствованием, поскольку требует передачи значения, а значит, более глубокого знания языка-источника. Так как такое знание языка возможно только при длительных языковых контактах, факты калькирования в топонимии (которая в отличие от лексики жестко привязана к определенным территориям) могут стать индикатором зон таких контактов.

С процессом заимствования связано и выяснение характера топонимического калькирования в сравнении с лексическим. Лексическое калькирование воспринимается как процесс, параллельный заимствованию, и даже как реакция на него (контрноминация в связи с переизбытком заимствований), т.е. как осознанное отношение к потоку иноязычий и преодоление трудностей необходимого массового перевода. Языковая стихия лишь вносит свои коррективы в словотворчество, принимая или не принимая созданные калки. Насколько это может быть характерно для топонимического калькирования? Для названий городов и крупных населенных пунктов внеязыковое влияние как причина калькирования – хорошо известное явление, ср. **Орешек – Нотебург, Петербург – Петроград, Остяковогульск – Ханты-Мансийск**; предложение переименовать **Кенигсберг** в **Королевец** в период пуризма на рубеже XVIII–XIX вв. неожиданно отозвалось в сообщениях прессы последнего времени о попытках переименовать нынешний **Калининград** (бывший **Кенигсберг**) в **Княжград** или **Королев**. Вряд ли те же причины могли вызвать калькирование в тех областях топонимии, которые непосредственно не связаны с литературным языком. Однако при различии процессов калькирования в местной топонимии и в лексике литературного языка все же можно обнаружить общий толчок

же можно обнаружить общий толчок калькирования: столкновение с необходимостью преодоления трудностей массового заимствования, для топонимии – местных названий на осваиваемой территории.

Массовое заимствование и калькирование в лексике происходят, как правило, с более престижного языка. Заимствование же и калькирование субстратной топонимии Русского Севера идут в противоположном направлении. Г. Пауль отмечает, что при заимствовании географических названий и потребности передать словами быт других народов заимствование может происходить и из более низкой культурной среды⁶, поэтому направление из языка субстрата в русский язык может считаться естественным. Однако в силу несовпадения с соответствующим процессом, происходящим в нарицательной лексике, калькирование с языка субстрата в русский язык может свидетельствовать не о заимствовании, а о постепенном обрусении местного финно-угорского населения. Формально эти два явления неразличимы, но по сути меняется субъект калькирования: может оказаться, что мы имеем дело не с переводом на русский язык, а с переходом на русский и, следовательно, с самопереводом на русский язык своей топонимии носителями языка субстрата, и тогда логика калькирования и заимствования сохраняется.

Однако теория калькирования все же позволяет сохранить традиционно понимаемый субъект перевода и заимствования – русский язык, адаптирующий субстратную топонимию. В этом смысле для топонимических калек продуктивно понимание лексической кальки как передачи мотивированности калькируемого названия своими словообразовательными средствами, особенно же тезис о возможном заимствовании словообразовательной модели в условиях массового заимствования и калькирования, когда у заимствующего языка есть возможность выделить такие модели, сопоставив однородный материал. Для территории Русского Севера массовое заимствование топонимии – хорошо известное явление. Вопрос о возможном заимствовании словообразовательной модели следует рассмотреть подробнее.

В теории лексического калькирования вопрос о заимствовании словообразовательной модели связан с рассмотрением чужемодельного калькирования. Л.П. Ефремов считает чужемодельное словообразование самым ярким свидетельством калькирования, поскольку слово оказывается построенным по чуждой языку модели⁷. Об этом же пишет В.Пизани: «Форма *ferrovia* ‘железо-дорога’ – калька с немецкого в итальянский язык, так как в немецком языке словосложение нормально,

---

⁶ Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960. С. 461.

⁷ Ефремов Л.П. Основы теории лексического калькирования. С. 20.

а в итальянском ненормально с точки зрения итальянской морфологии и практики словообразования»⁸.

Но еще Г.П. Павский рассматривал такие явления с несколько иной точки зрения: «В составных наших именах корень главного имени должен занимать последнее место, а имя подчинительное или дополнительное должно стоять впереди – под влиянием иноземных языков, не знающих сего правила, мы иногда нарушаем свой порядок: вместо мудролюбие – любомудрие, честолюбие – любочестие по образцам греческого порядка... Формы зубоскал – скалозуб, пустодом – домопуст есть варианты из подражания иноземному»⁹. Здесь речь идет не столько о механическом калькировании, сколько о заимствовании словообразовательной модели, выделенной в процессе систематического заимствования и калькирования. «Слова заимствуются целиком, отдельные словообразовательные суффиксы и окончания никогда не заимствуются, – пишет Г. Пауль. – Однако при заимствовании большого пласта слов, содержащих один и тот же суффикс, эти слова, точно так же, как и слова родного языка с одним суффиксом, могут образовывать группу, которая со временем может стать продуктивной в образовании новых слов по аналогии, и таким образом суффикс усваивается. Со словообразовательными суффиксами это происходит не так уж редко – например, английские образования с французскими суффиксами»¹⁰. Такая же точка зрения у Ш. Балли: «Заимствования, в тех случаях, когда они благодаря своей численности и общности происхождения образуют однородную массу, имеющую в своей структуре общие черты, – поддаются анализу и дают заимствующему языку формативные элементы (основы, префиксы, суффиксы, типы словосочетаний), с помощью которых могут быть образованы новые слова»¹¹.

В.М. Дерибас, рассматривая вместе заимствование и калькирование, выделяет два структурных типа словообразовательных калек: совпадающие с исконными и составленные по образцу иноязычных слов. Последние и представляют собой заимствование словообразовательной модели. Становление новой, заимствуемой из другого языка модели представляет собой длительный языковой процесс. Автор приводит пример С.П. Обнорского – заимствование словообразовательного типа *без-ие* (*без-ье*) из старославянского языка в древнерусский период (в русском языке ему соответствовал тип *без-ица*): *безгласие* – *безголоси-*

---

⁸ Пизани В. Этимология. М., 1956. С. 143.

⁹ Павский Г.П. Филологические наблюдения над составом русского языка // Хрестоматия по истории грамматических учений в России. М., 1965. С. 101.

¹⁰ Пауль Г. Принципы истории языка. С. 469.

¹¹ Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961. С. 286.

ца. С.П. Обнорский отмечал, что эта старославянская словообразовательная модель была заимствована через старославянские письменные произведения из греческого языка в русскую разговорную речь. Потом та же структура использовалась русским языком напрямую, без церковнославянского посредства: *безволие, бесточие* (греч. *астигматизм*) – и распространилась на собственно русские слова (не-кальки): *бездорожье, безрыбье, бесхлебье*. Такая же судьба, по мнению В.М. Дерибаса, у моделей *со-ие* (*согласие* как калька, *созвездие, созвучие* как собственные образования) и *со-ник* (*собеседник, соплеменник* как кальки, собственные образования *сокурсник, собутыльник* и т.д.)¹².

Таким образом, возможно усвоение иноязычной модели – опосредованно или прямо – посредством калькирования слов. Иноязычная модель окончательно закрепляется в языке благодаря новым образованиям по типу заимствованных и калькированных слов данной структуры. Это явление позволяет рассматривать регулярные словообразовательные кальки как источник обогащения калькирующего языка словообразовательными моделями, что повышает роль словообразовательного калькирования. Осознанная иноязычная словообразовательная модель может стать толчком для активизации собственной непродуктивной модели или появления новой. Методика выявления фактов словообразовательного калькирования может быть использована при описании своеобразных топонимических словообразовательных моделей Русского Севера и не характерных для русской топонимии словообразовательных топонимических гнезд. Речь идет о многочисленных топонимах со структурой «основа + географический термин», которая полностью соответствует самой распространенной структуре субстратных топонимов: оз. **Белозеро**, **Карасозеро**, с. **Карпогоры**, руч. **Крестручей**, залив **Малокурья**, луг **Чижнаволок**, а также об иногда встречающихся словообразовательных топонимических гнездах типа **Шишкаручей** – **Шишкаболото** (названия ручья и болота, по которому он течет). Такие топонимы можно считать и результатом калькирования, и результатом словообразования по заимствованной модели. Однако главной отличительной чертой таких топонимов Русского Севера по сравнению с соответствующими фактами в нарицательной лексике является то, что они «растворены» в огромной массе полукалек, для нарицательной лексики крайне редких.

Понимание полукалек в лексике также требует более подробного рассмотрения, так как применение его к топонимии вызывает сомнения.

---

¹² Дерибас В.М. О заимствовании и калькировании производных слов в русском языке // Этимологические исследования по русскому языку. М., 1972. Вып. 7. С. 77–80.

Из-за скудости материала (в литературе обычно приводится «привешийся», по мнению Л.П. Ефремова¹³, пример *телевидение*) точного определения лексических полукалек нет. О.С. Ахманова отождествляет полукальки с гибридными словами, толкуя их как «скрещенные» слова, составленные из разноязычных элементов¹⁴. Л.П. Ефремов приводит примеры из «Грамматики чешского литературного языка» Ф. Травничека, который также считает полукальки гибридными словами: чеш. *Vánoce* – нем. *Weinnachten* ‘Рождество’; *bavlna* – *Baumwolle* ‘хлопок’, причем отмечается, что это очень древние заимствования. Сам Л.П. Ефремов не согласен с пониманием полукалек как гибридных слов, так как, во-первых, не каждая калька составляется из разноязычных основ (бел. *красамоуны* < рус. *красноречивый* и в целом – случаи образования полукалек при контактировании близкородственных языков); во-вторых, иноязычные основы могут быть заимствованиями, т.е. фактами калькирующего языка (бел. *мінашукальнік* < рус. *миноискатель*). Отличие полукалек от гибридных слов в том, что полукальки всегда имеют объект калькирования, т.е. восходят к каким-либо иноязычиям, в то время как гибриды не имеют лексических предшественников в других языках: гибрид создается языком самостоятельно из разноязычного материала (например, слово *светофор*)¹⁵.

Таким образом, полукальки всегда связаны с контактом языков, а следовательно, с калькированием. С таким пониманием полукальки связаны определения А.Я. Матвеева («Вариантами калек (полукальками) являются слова, одна из составных частей которых – прямое заимствование, а другая – перевод»¹⁶) и Л.А. Булаховского («Полукальки представляют собой наполовину сохранение, наполовину перевод иноязычных слов на заимствующий язык. В некоторых случаях калькируется только половина сложного слова – это так называемые полукальки»¹⁷), на которых основывается Л.П. Ефремов: «Лексическое полукалькирование по отношению к калькируемому объекту, а также по способу своего осуществления есть комбинация заимствования и калькирования (перевода), причем строго определенная: заимствование одной и перевод другой лексической деривационно-мотивирующей основы, представленной в объекте полукалькирования»¹⁸. Эти основы соответственно называются унаследованной (заимствованной) и воспроизводящей (пе-

¹³ Ефремов Л.П. Основы теории лексического калькирования. С. 19.

¹⁴ Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969. С. 98, 338.

¹⁵ Ефремов Л.П. Основы теории лексического калькирования. С. 20.

¹⁶ Матвеев А.Я. Латинские лексические кальки в немецком языке. Львов, 1966. С. 23.

¹⁷ Булаховский Л.А. Введение в языкознание. М., 1953. Ч. 2. С. 127.

¹⁸ Ефремов Л.П. Основы теории лексического калькирования. С. 34.

реведенной). Выделение воспроизводящей основы правомерно отграничивает полукальки от заимствований с аффиксацией, которые иногда тоже включаются в полукальки. Выделение унаследованной основы служит основанием разделения полукалек на два вида: полукальки с уже известными основами и полукальки с новыми для языка основами, заимствованными им в момент калькирования. Примеры последних единичны: латыш. *Valzivs* < нем. *Walfisch* 'кит', рус. *шинтлук* < нем. *Schnittlauch* и упомянутые чешские слова. Подавляющее большинство полукалек – с новыми унаследованными основами, т.е. значение этих основ уже известно калькирующему языку, а это позволяет вообще не различать полукальку и кальку – такой позиции придерживается Л.А. Пономаренко: «Непереведенная часть в равной степени может считаться как материальной формой языка-модели, так и материальной формой заимствующего языка. Исходя из этого, есть полное основание предположить, что так называемая непереведенная часть оказывается практически переведенной»¹⁹. То есть в случае, например, бел. *абароназдолный* < рус. *оборонепоспособный* Л.П. Ефремов видит полукальку, а Л.А. Пономаренко – полную кальку. Л.П. Ефремов считает, что общие основы не могут взаимно калькироваться, так как «чужое слишком похоже на свое», однако и он признает определение полукальки в этом смысле «все же несколько механическим», хотя настаивает на противопоставлении полной словообразовательной кальки и неполной (т.е. полукальки)²⁰. Таким образом, лексические полукальки в целом воспринимаются как полуперевод-полузаимствование, т.е. значение заимствуемой основы также известно калькирующему языку, а это создает определенный логический тупик в определении полукальки, поскольку не разводит, по сути, калькирование и полукалькирование. Неясность определения, возможно, объясняется и ограниченностью самого материала.

Полукальки в топонимии представляют противоположную картину: они широко распространены на территории взаимодействия русского и прибалтийско-финских языков (в данной статье явление полукальки рассматривается применительно к топонимии именно этой территории) и, как правило, представляют собой именно полуперевод: другая часть остается непереведенной и значение ее не осознается. Полукальками считаются топонимы со структурой «непереведенная основа + переведенный географический термин». Данный вид топонимов выделен

¹⁹ Пономаренко Л.А. Калькирование как вид влияния одного языка на другой (на материале английских калек с русского языка). Киев, 1965. С. 32.

²⁰ Ефремов Л.П. Основы теории лексического калькирования. С. 28.

М. Фасмером и подтверждается А.К. Матвеевым, который приводит полукальку как один из типов усвоения субстратных топонимов русским языком²¹. Такое понимание полукальки как своеобразного способа и результата усвоения русскими финно-угорской субстратной топонимии принято во всей современной литературе, рассматривающей взаимодействия языков на данной территории. Проблемой остается то, как понимать сам процесс усвоения русскими субстратной топонимии в виде полукалек: как процесс заимствования (по аналогии с полукальками в нарицательной лексике) или как процесс самоперевода названий при обрусении финно-угорского населения. В первом случае русское население осознает и заимствует словообразовательную модель субстратных топонимов с географическим термином в постпозиции, заменяя его своим (географический термин выделяется и переводится благодаря своей регулярности). Если же верно второе понимание процесса появления полукалек, то их изучение прямо выводит на зоны субстрата (в отличие, например, от заимствования). Решение данной проблемы невозможно без сопоставления с субстратом (топонимическим и лексическим) и с русской топонимией, но сама постановка такой проблемы (в свете теории полукалек в нарицательной лексике) представляется необходимой, так как суть явлений, описывающихся термином *полукалька* в нарицательной лексике и топонимии, различна.

По сравнению с «бросающимися в глаза» полукальками установление собственно калек представляет большую трудность – и в этом лексическое и топонимическое калькирование совпадают. Если словообразовательная модель соответствует модели родного языка, кальку в лексике и в топонимии можно отличить от собственного образования только при надежном сопоставлении с источником (калькируемым названием). В лексике такое сопоставление могут дать лексикографические факты или свидетельства авторов калек, в топонимии – ранние фиксации калькированного позднее названия (что крайне сложно найти или доказать) или параллельное употребление заимствования и кальки – такой случай усвоения субстратной топонимии был выделен М. Фасмером, но опровергнут А.К. Матвеевым: «На территории Севера не зафиксированы дублетные названия одного и того же объекта, представляющие собой разноязычные корреляты, но их и не может быть, так как в настоящее время (и уже несколько сот лет) Север заселен только русскими. Фиксация дублетных форм происходит, как правило, при наличии двуязычия, которое на территории Севера представляет собой давно

---

²¹ Матвеев А.К. Взаимодействие языков и методы топонимических исследований // Вопр языкознания. 1972. №3. С. 78–79.

миновавший этап взаимодействия языков»²². Однако топонимические кальки Русского Севера имеют преимущество в смысле распознавания перед лексическими кальками, заключающееся в явлении метонимического калькирования, открытого и рассмотренного А.К. Матвеевым, когда субстратное название и предполагаемая калька с него относятся к смежным объектам²³.

В теории лексического калькирования интересным для топонимии представляется принцип поиска калек с учетом необычной для языка сочетаемости элементов. О разных необычно сочетающихся элементах, как указывает К. Флекенштейн²⁴, упоминали немецкие ученые: В. Бец – «критерий выделения кальки – значение, которое соответствует латинскому образцу и противоречит немецким частям слова»; Э. Эманн – в тезисе о резком отличии типа словообразования в языке-преемнике и образованной кальке. В советской лингвистике понимание необычной сочетаемости как средства выявления калек предложено М.М. Копыленко²⁵ для семантического и фразеологического калькирования и используется Л.В. Вялкиной²⁶. Например, значение слова *торжество* 'празднество', не сочетающееся со значением корня *торг* 'рынок', может объясняться калькированием греческого *rapegutos*, имеющего значения 'ярмарка' и 'праздник' (ср. следы этих значений в заимствованиях *агора* и *панегирик*). Такого же критерия придерживается Л.М. Грановская, рассматривающая калькирование французских прилагательных, обозначающих цвет по окраске предмета без ступени развития в слове качественного значения (*блошной*, *сиреневый*, *яблочный* и т.д.)²⁷. В топонимии критерий сочетаемости может быть использован для поиска калек среди топонимов с нестандартной структурой или необычной семантикой, но такой подход, естественно, требует предварительного структурного или семантического исследования русской топонимии.

В целом следует признать, что топонимическое калькирование в отношении к лексическому представляет своеобразное явление, не описы-

---

²² Матвеев А.К. Взаимодействие языков и методы топонимических исследований. С. 80.

²³ См.: Матвеев А.К. Методы топонимических исследований. Свердловск, 1986. С. 38–39.

²⁴ Флекенштейн К. О некоторых теоретических проблемах калькирования // Этимологические исследования по русскому языку. М., 1966. Вып. 5. С. 148–171.

²⁵ Копыленко М.М. О греческом влиянии на язык древнерусской письменности // Рус. речь. 1969. №5. С. 123.

²⁶ Вялкина Л.В. Греческие параллели сложных слов в древнерусском языке XI–XIV вв. // Лексикология и словообразование древнерусского языка. М., 1966. С. 43.

²⁷ Грановская Л.М. Заметки об усвоении иноязычных цветообозначений в XVIII–XIX вв. // Образование новой стилистики русского языка в Пушкинскую эпоху. М., 1964. С. 98.

вающееся в рамках лексического калькирования. Но некоторые сопоставления двух видов калькирования являются продуктивными для понимания калькирования в топонимии, и пристальное изучение топонимического калькирования, несомненно, выявит новые точки соприкосновения этих явлений.

А.К. Матвеев

Топонимические этимологии. XIII

Предметом этой статьи являются два субстратных топонима Костромской земли – *Палдома* и *Чухлома*, объединяемые общим формальным признаком *-Ума* и принадлежностью к орографическим объектам.

1. *Палдома*

На самом западе Костромской области близ знаменитого Сусанинского болота находится обширное урочище *Палдома*. На топонимической карте показано здесь безлесное пространство, которое с севера, запада и востока окаймлено лесом, образуя незамкнутый с юга прямоугольник. С южной стороны урочище постепенно переходит в мощный массив полей, примыкающих к деревням Сумароково и Попадьино и выклинивающихся в лесах близ Сусанинского болота. Таким образом, урочище *Палдома* представляет собой северную часть этого полевого массива, а его название, явно нерусское по фонетическим и структурным характеристикам, свидетельствует о выдающейся древности урочища как сельскохозяйственного угодья. Поскольку непосредственно перед приходом русских западная часть Костромского края была населена мерей, что показано в многочисленных работах археологов и лингвистов, есть все основания искать источник названия *Палдома* в мерянском языке. В какой-то степени это подтверждается многократно засвидетельствованными рассказами местных жителей о том, что в незапамятные времена здесь была деревня с тем же наименованием.

Учитывая все вышесказанное, а также отсутствие реки с названием *Палдома* на исследуемой микротерритории, этот субстратный топоним не может включаться в ряд многочисленных гидронимов на *-Ума* типа *Андома*, *Яхрома* и т.п., происхождение которых дискуссионно, хотя топонимический элемент, очевидно, следует рассматривать как словообразовательный элемент. По своему происхождению костромское название, скорее всего, является микротопонимом, который затем стал использоваться и как наименование деревни, впоследствии исчезнувшей. Напротив, совершенно аналогичное название *Палдома*, обозначающее одну из небольших рек в Няндомском районе Архангельской области, должно быть